

Хэ Сюйлян бросил:

— Подожди меня.

И взлетел в воздух, но не стал сразу останавливать Цзян Юньсюаня, а поднялся на крышу, наблюдая, как маленькая ярко-жёлтая фигурка мелькает среди огромной резиденции канцлера.

Цзян Юньсюань сначала побежал в гневе, но, будучи ребёнком, его злость быстро улетучилась. Оглянувшись, он увидел, что за ним бежит целая вереница людей, и это показалось ему невероятно забавным. Смеясь, он начал бежать куда глаза глядят.

Цзян Юньсюань бежал не быстро, но был маленьким и ловким, пролезая через щели в заборах и дыры в камнях, в то время как толпа преследователей вынуждена была обходить препятствия, теряя время. В итоге они никак не могли поймать императора. Когда Цзян Юньсюань побежал всё дальше, почти исчезнув в темноте, Чан Сянлянь изменилась в лице и закричала:

— Беда! Ни в коем случае не дайте Его Величеству войти в Запретную землю!

Хэ Сюйлян, стоя на крыше со сложенными руками, наблюдал, как жёлтая фигурка исчезает в глубине резиденции, в лесу, куда никому не разрешалось входить. В его глазах вспыхнул блеск, и он спрыгнул с крыши, скрывшись в этом запретном лесу.

Цзян Юньсюань, хихикая, бежал по самым глухим и незаметным местам. Звуки преследователей становились всё тише, пока не исчезли совсем. Только тогда он заметил, что оказался в лесу.

Здесь деревья были вековыми, для Цзян Юньсюаня они казались гигантскими, закрывая небо с головой. Вокруг было темно и тихо, и он, наконец, почувствовал страх, закричав во весь голос:

— Эй, люди! Эй, люди! Отец-канцлер! Отец-канцлер!

Но даже шума взлетающей птицы не было слышно.

Цзян Юньсюань мгновенно запаниковал, ноги подкосились, и он сел на землю, громко плача:

— Люди! Эй, люди! Спасите! Спасите!

Вокруг по-прежнему не было ни звука, тишина была неестественной.

Цзян Юньсюань, всхлипывая, заплакал:

— Отец-канцлер, скорее спаси... скорее спаси Сюань-эра. Сюань-эр больше не будет говорить глупостей. Отец-канцлер... Отец-канцлер, Сюань-эру страшно!

Мёртвая тьма сгущалась вокруг Цзян Юньсюаня. Он потерял голову и хотел вернуться обратно, но, как бы он ни шёл, всё равно оказывался в этом тихом лесу. Он плакал, уже задыхаясь, как вдруг в этой тишине услышал несколько тяжёлых, грубых вздохов. Обрадовавшись, он закричал:

— Отец-канцлер, это ты?!

И побежал на звук, но чем ближе он подходил, тем сильнее становился запах сырой мяса и

крови.

Дыхание и запах становились всё сильнее. Цзян Юньсюань бежал, но ноги начали подкашиваться. Неизвестное чувство сильного угнетения сжимало ему грудь, и он остановился, глотая слюну:

— Отец-канцлер... это ты?

Хотя никто не ответил, дыхание стало громче, почти прямо у него над ухом. В следующее мгновение перед Цзян Юньсюанем внезапно вспыхнули огромные золотые глаза, явно не принадлежащие человеку. Цзян Юньсюань широко раскрыл глаза, но даже не успел закричать, как потерял сознание.

Его кто-то подхватил на руки.

Хэ Сюйлян держал Цзян Юньсюаня и смотрел на эти золотые глаза, которые были поразительно похожи на его собственные, и медленно произнёс:

— Давно не виделись.

В этот момент тучи, закрывавшие луну, рассеялись, и яркий лунный свет залил всё вокруг. Огромный, более чужана высотой, белый волк медленно поднялся. Его лапы были закованы в тяжёлые кандалы, которые, трясь о кожу, оставляли кровавые следы на белоснежной шерсти.

Волк замер в клетке из чёрного железа, опустив голову, чтобы посмотреть на Хэ Сюйляна. Из его ноздрей вырывался горячий, сырой пар.

Хэ Сюйлян тоже поднял голову и смотрел в золотые глаза волка. Белки его глаз постепенно позолотели, а радужка потеряла цвет, став чёрным, как у волка.

Волк поднял голову и длинно, жалобно завыл в сторону луны.

Гу Чжэнь, стоявший во внутреннем дворике, вдруг замер. Рядом Е Жань спросил:

— Господин, что случилось?

Гу Чжэнь повернулся к нему:

— Ты не слышал... вой волка?

Е Жань с недоумением покачал головой:

— Не слышал.

Гу Чжэнь почесал ухо, подумав, что, возможно, ему показалось.

В следующее мгновение Хэ Сюйлян, словно небесное божество, спустился с неба в синем платье с золотой вышивкой, держа на руках, казалось, спящего Цзян Юньсюаня.

Гу Чжэнь ещё не успел заговорить, как евнух Ван, дрожавший как осиновый лист, закричал и бросился к ним, но, увидев, что Цзян Юньсюань спокойно дышит, прикрыл рот рукой и тут же разразился рыданиями:

— Умер от страха, старый раб умер от страха! Слава Будде, слава Будде, хорошо, что Его

Величество в порядке.

Гу Чжэнь подумал: «Неужели так всё серьёзно?». В конце концов, это всего лишь ребёнок, как далеко он мог убежать? Тем не менее, он взглянул на Цзян Юньсюаня в руках Хэ Сюйляна. Даже с закрытыми глазами было видно, что он только что плакал — его глаза и нос покраснели. Гу Чжэнь вздохнул, почувствовав укол вины.

Мальчики в этом возрасте всегда шалят. В его возрасте он, вероятно, был ещё хуже. Зачем так строго к нему относиться?

Чем больше Гу Чжэнь думал об этом, тем сильнее его мучила совесть, и он тихо сказал Хэ Сюйляну:

— Дай его мне.

Хэ Сюйлян кивнул, и Гу Чжэнь взял Цзян Юньсюаня на руки, нахмурившись:

— Почему он снова уснул? Где ты его нашёл?

Хэ Сюйлян ответил:

— В роще северного сада.

В этот момент Чан Сянлянь и остальные слуги, искавшие Цзян Юньсюаня, вернулись. Увидев, что Гу Чжэнь держит на руках Цзян Юньсюаня, а рядом стоит Хэ Сюйлян, прямой как сосна, они замерли в недоумении, затем поспешно попросили прощения:

— Сянлянь плохо справилась, преступила против правил, заслуживаю смерти. Прошу наказать, господин.

Гу Чжэнь, помня о том, как Цзян Юньсюань оскорбил Чан Сянлянь, поспешно сказал:

— В чём твоя вина? Вставай. Его Величество в порядке, и это главное. Приготовьте карету, я отвезу Его Величество обратно во дворец.

Чан Сянлянь возразила:

— Господин, вы ещё не поужинали...

Гу Чжэнь вздохнул:

— С едой можно подождать. Уже поздно, нужно успеть, чтобы Его Величество поужинал, а завтра утром ему на утренний приём.

Никто не посмел ослушаться приказа Гу Чжэня, и вскоре карета была готова. Однако рядом стоял ещё и гнедой конь с блестящей шерстью. Гу Чжэнь спросил:

— Это что за конь?

Хэ Сюйлян ответил:

— Мой.

Гу Чжэнь с недоумением посмотрел на него:

— Ты тоже едешь?

Хэ Сюйлян утвердительно гмкнул.

Гу Чжэнь спросил:

— Зачем? Я просто отвезу императора в его покои.

Хэ Сюйлян, глядя на него, произнёс:

— Охрана.

Гу Чжэнь нахмурился, подумав: «Неужели мне кажется, что главный герой стал более навязчивым?».

Но, в конце концов, это было к лучшему. Даже если Хэ Сюйлян не поехал бы, ему пришлось бы взять с собой Си Юэ и Е Жаня. По сравнению с ними, Хэ Сюйлян был более надёжным. Гу Чжэнь больше ничего не сказал, забрал Цзян Юньсюаня и сел в карету. Хэ Сюйлян взлетел на коня, и вся группа отправилась обратно во дворец.

Чан Сянлянь стояла позади, наблюдая за их уходом. Её чувство странности становилось всё сильнее, особенно из-за того, как естественно и близко общались Гу Чжэнь и Хэ Сюйлян. Даже если у Гу Чжэня были близкие люди, это точно не должен был быть он.

Чан Сянлянь покачала головой, но её больше беспокоило другое. Неужели Его Величество вошёл в Запретную землю? Но, подумав, она решила, что это невозможно. Как шестилетний ребёнок мог бы выбраться оттуда? Но ведь Хэ Сюйлян держал Его Величество на руках, так что всё могло быть...

Чан Сянлянь была полна тревожных мыслей, но не могла найти зацепку. Раздражённо потирая переносицу, она почувствовала сухость кожи на руках и вспомнила слова Цзян Юньсюаня, который указал на её лицо. Она потрогала свою щеку.

Сухая и грубая.

Да, скоро Новый год, и она уже приближается к возрасту, когда красота увядает.

Чан Сянлянь вздохнула и, не думая больше об этом, вернулась к работе.

Гу Чжэнь, сидя в карете с Цзян Юньсюанем на руках, болтал с 007 обо всём на свете.

— Мой сын такой милый, когда спит.

007 усмехнулся:

— Не то, что когда ты хотел его отшлёпать.

Гу Чжэнь сказал:

— Дети должны шалить, иначе было бы скучно и мертво.

007 снова усмехнулся. «Хорошо, я запомню этот флаг».

Гу Чжэнь продолжил:

— Ты слышал тот разговор с Хэ Суйляном вечером? Есть у тебя какие-нибудь идеи?

[Авторская ремарка]: Моё умение нести чушь становится всё совершеннее.

<http://bllate.org/book/16782/1543646>